

УДК 6130.2+141.13

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

В.А. Кузнецов

Челябинск

Челябинский государственный университет

vladkuz@mail.ru

ИДЕАЛИЗМ КАК «СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» (ИЛИ О «РЕСТАВРАЦИИ» А.Ф. ЛОСЕВЫМ МИРА ВЕЧНЫХ ИДЕЙ)

На современном этапе жизни нашей страны по-прежнему одним из важнейших вопросов является отношение властных структур к такому институту культуры, как наука. Растет степень вмешательства государства во внутренние дела академического сообщества, усиливается мелочная опека научных учреждений и контроль их интеллектуальной деятельности. Изучение процессов становления советского государства в 30-е гг. XX в. показывает, что такое вмешательство органов власти в деятельность научных учреждений, особенно гуманитарного профиля уже было. В данной статье на примере организации травли научной деятельности одного из значительных философов и филологов СССР Алексея Федоровича Лосева осуществлена попытка показа картины начала репрессий против научных кадров. Острые репрессии было направлено преимущественно против гуманитарной науки, которая, по мнению правящей верхушки, противостояла идеологии нарождающегося сталинизма. Обвиняли ученых, прежде всего, в приверженности идеализму, а, следовательно, и к буржуазии. В конце концов, внутренняя логика эволюции репрессивного механизма привела к разгрому в конце 1940-х – начале 1950-х гг. генетики, затем кибернетики, социологии в Советском Союзе, что привело к отставанию страны в этих отраслях науки, не преодоленному до сих пор.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, Х.И. Гарбер, Коммунистическая академия, идеализм, платонизм, репрессии.

Репрессии в отношении философов, историков и других ученых-гуманитариев стали одним из факторов формирования сталинского режима в СССР или командно-административной системы, как называют этот период в некоторых исторических трудах. Это была борьба с инакомыслием за идеологическое единomyслие – одно из средств «сплочения» населения страны вокруг правящей элиты и как элемента борьбы за укрепление власти группировки И. Сталина.

В этом смысле нарождающийся новый властитель явился талантливым учеником В. Ленина, который научную элиту России, погрузив на «философские» пароходы, отправил на Запад, чтобы они не мешали становлению государства «нового типа». Л. Троцкий публично согласился с Лениным, заявив: «Мы этих людей высылаем потому, что

расстрелять их не было повода, а терпеть невозможно» [1, с. 369-370]. Даже после этого в Академии наук СССР по традиции сохранялась определенная автономия и организационная демократия. Такая ситуация с сообществом самостоятельных интеллектуалов, живущих по академическому уставу и внутреннему убеждению, нервировало руководителей страны и политбюро партии большевиков. В 1926 г. на заседании под руководством И. Сталина решено было создать комиссию по взаимодействию с Академией наук СССР. Была определена задача для ученых, которые должны были заниматься «практическим применением научных достижений в культурно-экономическом строительстве» [2]. Но ученые не спешили изменить устав академии, и в 1929 г. начались нападки в печати на ученое сообщество с призывом

«гнать верхушечную интеллигенцию», что «Академия наук находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности». После того как академики с первой попытки забаллотировали прием в академию кремлевских выдвиженцев Н. Бухарина, Г. Кржижановского, историка Покровского и др.¹, была учреждена комиссия по «чистке» аппарата Академии наук СССР. К концу 1929 г. оказались арестованы 1729 ее сотрудников. Таким образом, разгром прежней академии совершился, а новый аппарат был переведен в Москву.

Механизм обвинения философов и других ученых-гуманитариев в реакционности был очень прост. Их стали преследовать за идеализм, обнаруженный в их трудах или якобы обнаруженный. Когда же термин «идеализм» стал ругательным словом? Это слово было одним из самых ругательных в языке В. Ленина, особенно в его труде «Материализм и эмпириокритицизм», направленном против взглядов его соратников по партии и используемом в борьбе за власть в партии, за идеологическое влияние на его членов. Ленин и его сторонники ополчились против идеализма, даже иногда и не понимая сути этой философской категории, ее теоретического содержания, когда линейно, напрямую стали связывать идеализм как явление с реакционной буржуазией, а материализм с прогрессивным пролетариатом. Такой грубый схематический подход стал активно использоваться сторонниками Сталина в борьбе против интеллектуальной части народа, которую они искренне стали считать врагами России, начиная с конца 1920-х и начала 1930-х гг.

Примером такой травли, начавшейся с иезуитского доноса, можно считать доклад философа Х.И. Гарбера «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева», прочитанного в Институте философии Коммунистической академии 21 мая 1930 г. [3], напечатанного в журнале «Вестник коммунистической

академии» – органе Коммунистической академии (издавался в Москве с 1922 по 1935 год).

Развитие идеализма в стране Х. Гарбер связывает с новой экономической политикой, что именно в этот период появились газеты и журналы, в которых стали открыто «выступать против марксизма и против нашей революции» ее враги. Следует заметить, что время выступления Гарбера совпадает с началом «Великого перелома», положившего конец ленинской экономической политике. Как раз в эти годы многие журналы стали закрываться, а ученые, их издававшие, уезжать из России. Но при этом Х. Гарбер утверждает, что идеализм продолжает существовать. И он находит «идеализм» в целом ряде появившихся философских сборников: «Пути реализма», «Научные известия» и др. Кто же эти идеалисты? И далее звучит как донос – это двухтомное сочинение Рубинштейна «О смысле жизни», сочинения философа Шпета и, наконец, А. Лосев, выпустивший семь работ между 1925 и 1930 годами. И преамбула «обвинения» такая: «Никогда идеализм не выступал в столь реакционной, претенциозной и воинственной форме, как теперь в лице Лосева» [3, с. 124]. Далее докладчик делает намек, якобы за Лосевым стоят наша и зарубежная буржуазия (читай враги).

Как же строит Х. Гарбер свою критику («научное» обвинение) работ А. Лосева? Я буду в основном следовать порядку изложения докладчиком нападков на творчество Лосева.

В самом начале у докладчика происходит интересный «кувырок мысли». Он выводит, что изучение А. Лосевым античной философии, филологии и искусства «...не только не исключает, но, напротив того, предполагает наличие у самого Лосева известного миропонимания, т.е. определенной философии». Исходя из этого, Х. Гарбер объявляет о попытке «...выявить собственный идейный облик Лосева... суть его мировоззрения» [3, с. 124] и подчеркивает, что

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 208. Оп. 2. Д. 50. Л. 21.

Лосев «высказывает свои мысли далеко не всегда в ясной форме... часто эзоповским языком, нередко иронически. <...> Бывает и так, что Лосев говорит не сам, а устами Платона, и нужно разобраться, где кончается один и где начинается другой» [3, с. 125]. А поэтому «уловить затаенные мысли Лосева и распознать его действительные взгляды» сложно. Но при этом докладчик уверенно говорит, что Лосев ревностно пропагандирует «самые реакционные воззрения». То есть непонятное и реакционное для Х. Гарбера тождественно.

В своем докладе Х. Гарбер различает в мировоззрении Лосева три части: учение о диалектике, космополитические идеи (мировоззрения) и общественный идеал. Критик Лосева говорит о том, что тот очень высокого мнения о диалектике и приводит цитату философа из его сочинения «Философия имени»: «Диалектику я считаю единственно допустимой формой философствования» [3, с. 125; 7, с. 9, 13, 16]. Докладчик отмечает, что у А. Лосева «диалектика есть логос об эйдосе», при этом Х. Гарбер считает эйдос чем-то мистическим, представляющим собой некую иррациональную сущность. Он уверен, что логос Лосевым трактуется как формальная логика. И на этом основании критик утверждает следующее: «Следовательно, диалектика (по Лосеву. – В.К.) означает формальное мышление об эйдосе, т. е. метафизику, соединенную с мистикой», что «это не вяжется не только с нашим, но даже с гегелевским» пониманием диалектики [3, с. 126].

Отсюда Х. Гарбер пытается вывести Лосеву обвинение в том, что тот якобы сознательно поддерживает средневековые идеи: «Образ, фигура, изваяние, лик, умное число, – вот категории, при помощи которых он построит свою диалектику... мыслит самую диалектику... как чисто, логическую систему», что логика его алогична «и являет собой не систему рациональных категорий, а совокупность мистических идей, неизвестно, как и почему связанных друг с другом. <...>

У него (А. Лосева. – В.К.) нельзя найти и намека на то, чтобы увязать мысль с реальностью» [3, с. 126]. Докладчик особенно подчеркивает, что взгляд А. Лосева на диалектику как на «непосредственное знание» «ничего общего, не имеет даже с идеалистической диалектикой Гегеля... что мы имеем дело не с диалектикой, а с какой-то другой философией... что он далеко отстоит даже от объективного идеализма, пребывая в сфере мистических сущностей...» [3, с. 127]. Гарбер считает, что мысль Гегеля о диалектике другая, и он обвиняет А. Лосева в том, что истолкование им Гегеля «ложно», и что «самоуверенность Лосева поистине не имеет пределов» [3, с. 128]. Эта фраза Гарбера говорит о том, что на самом деле это он не знает учения Гегеля, так как Лосев берет эту мысль из «Энциклопедии философских наук» Гегеля.

Докладчик говорит, что у А. Лосева «вместо диалектики есть фокусничество». Так Х. Гарбер оценивает следующее высказывание Лосева: «Да, диалектика – головоломка, потому что она – ум. Философия – акробатское искусство, потому что надо быть акробатом в жизни, чтобы отгородиться от этой самой “жизненности” и “реальности” и чтобы дать возможность своим мыслям сосредоточиться и зажечь собственной жизнью. Итак, диалектика – эксцентрична несколько не больше того, насколько эксцентричен в наше время (да и во время Платона) философ вообще. И выводы ее несколько не более странны, чем странно желание жить умом и в уме, в то время как стихия жизни свирепствует и злобствует против всякого ума и против всякого смысла» [3, с. 129; 5, т. I, с. 540]. И какой вывод делает докладчик после этой приведенной им цитаты? Гарбер усматривает в этой выдержке «прямое нападение на социализм, ибо кто же “злобствует против всякого ума”, согласно Лосеву, как не пролетарская революция» [3, с. 129]. Именно само это высказывание Гарбера уже есть образец настоящего фокусничества.

Гарбер утверждает, что Лосев отрицает теорию познания, устранив «раз-

личие между предметом представления и представлением о предмете, между бытием и мышлением», снимая этим якобы противопоставление субъекта и объекта.

Х. Гарбер нападает и на понимание А. Лосевым некоторых сторон формальной логики. Так, философ утверждает: «Сама сущность не нуждается в формальной логике и живет помимо нее в другой логике, в диалектике. Но так как в инаковой сущности нет вообще ничего нового, чего не было бы в сущности самой по себе, то можно сказать, что и формальная логика имеет свое обоснование в предметной сущности как таковой» [7, с. 125; 3, с. 129]. Эта интересная мысль А. Лосева, видимо, остается не понятой докладчиком. Говоря о пристрастии Лосева к триаде, Гарбер сообщает нам, что для марксистов «остается в силе старое утверждение Плеханова, который рассматривает формальную логику как частный случай диалектики. Такое понимание соответствует и гегелевскому учению» [3, с. 130]. Но это высказывание не есть опровержение позиции А. Лосева в области формальной логики.

Докладчик видит в учении о дуализме эйдоса и мэона (эйдос вне времени, мэон преходящ) попросту возрождение Лосевым платоновского дуализма с его миром вечных идей. Гарбер считает, что идейный облик А. Лосева выражается в его заявлении, что у греков чистая диалектика великолепна, безукоризненна и безупречна [4, с. 121; 5]. Докладчик строит «обвинение» Лосева в идеализме на приверженности того идеям Платона и Плотина и приводит выдержку философа об идеях Платона: «...Для Платона идея 1) абсолютно отлична от инобытия, материи, 2) абсолютно тождественна с ней, 3) одновременно и абсолютно, в одном и том же смысле и в разном, и отлична и тождественна. В результате – новая категория, вещь. Для Аристотеля идея тоже обязательно отлична от вещи, но как всякая другая абстракция. Реально же есть *только* вещи, и на них, в них видятся эйдосы и идеи. <...> Именно

чистый платонизм есть диалектика, чистый же аристотелизм – формальная логика» [3, с. 131; см.: 4, с. 124]. И на этой основе докладчик заявляет, что Лосев противопоставляет «...материалистический элемент аристотелевской философии... явной идеалистической концепции Платона. Он солидаризируется с Платоном и объявляет его диалектиком, а Аристотеля формалистом». В критике идей Лосева Х. Гарбер опирается на такой авторитет (!!!) в мировой философской мысли, как В.И. Ленин, на выдержку из его конспекта, в котором тот критикует изложение Гегелем полемики Аристотеля с платонизмом «Аристотель вплотную подходит к материализму» [6, с. 233, 239, 241].

Таким образом, критикуется следующее положение Лосева о диалектике Платона: «От этой концепции диалектического метода никуда не двинулся не только Плотин, но и великие диалектики нового времени – Фихте и Гегель... Это и есть подлинная диалектика чистейшего типа, столь расходящаяся с натуралистической логикой Аристотеля» [4, с. 18]. Критика этого лосевского вывода выглядит беспомощно. Так как, заучив некоторые «цитаты-выдержки» из конспектов любителя философии, приняли их за истину в последней инстанции и на прокрустовом ложе этих цитат примеряют идеи других и отбирают их в соответствии с ленинским ростом в теории.

Гарбер укоряет А. Лосева за то, что «чувствует он себя свободно лишь в обществе Плотина и Прокла. Себя он ставит в одном ряду с ними, так что сам Лосев по-видимому считает себя не то Платином, не то Проклом наших дней». «По мнению Лосева, – говорит докладчик, – трансцендентализм, феноменологизм и диалектика суть три метода философии, они уже были использованы Платоном... <...> У Лосева нет историзма не только в методологии, но и во всем бытии. И подобное философствование он осмеливается называть диалектикой» [3, с. 132]. В этих грамматических построениях мы можем видеть один из

образцов критики большевизмом непонятных (а следовательно, и враждебных) для них идей, образец доноса на людей, чьи взгляды они не могут постичь. Но если эзоповская лиса, не дотянувшись до винограда, объявляет его еще зеленым, то в СССР в это время начинают просить применить репрессивные меры к тем, чьи идеи в чем-то противоречат догмам сталинизма, или им кажется, что такие идеи вредны для общества. Так сформировалась атмосфера доносов в среде новой «пролетарской» интеллигенции.

Критике в докладе Х. Гарбера подверглись и космологические воззрения А. Лосева. Докладчик не одобряет идеи А. Лосева о том, что античный космос постоянен и непреходящ от Фалеса до Платона и объявляет эту идею одним из доказательств антиисторичности лосевского метода. В докладе философ осуждается за его мистицизм в учении о времени, за его интерес к феноменологии времени, т.е. за изучение «в его непосредственно-смысловой данности». Х. Гарбер мистический смысл философии А. Лосева видит в следующих его афоризмах: «Время не есть движение и не есть мера движения»; «Время не есть вещь и не есть психическое состояние»; «Время предполагает вневременное»; «Время предполагает число и его воплощение»; «Число не есть ни вещь, ни психическое состояние, но некий смысл» [3, с. 134].

Итак, докладчик критикует не сами идеи Лосева, но критикует свою интерпретацию положений Лосева. Гарбер считает, что Лосев говорит о раздельности времени и движения, что философ отрицает реальность движения, что в космологии Лосев отрицает процесс становления, а в социологии не признает изменения. Социальные воззрения Лосева Гарбер выводит из поддержки философом «реакционного общественного идеала Платона»: «...Социальный строй – вечен, неподвижен. В нем нет, не только революции и переворотов, но вообще истории» [3, с. 138]. Докладчик считает, что социология А. Лосева заключает в себе следующие моменты: «1. В обществе нет

развития. 2. Вся новоевропейская история (примерно с XVI века) – от сатаны. 3. Социальным идеалом является средневековые. 4. Учение Платона о трех классах (монахи, полицейские и рабы) правильно. 5. Византизм – законный преемник платонизма. 6. Демократия – химера, полицейский режим – действительность» [3, с. 144].

В онтологии Гарбер критикует такое положение Лосева: «Материи самой по себе нет, она лишь форма самоопределения самой сущности» [3, с. 134]. Но этот вывод А. Лосева вполне соответствует учению Ф. Энгельса о материи и ленинскому определению материи как категории для обозначения объективной реальности [8, с. 546, 550 551, 558, 570; 9, с. 131]. Х. Гарбер говорит о лосевской филологической космологии, суть которой он определяет так: «Слова и ничего кроме слов. Слова – вот доподлинно кирпичики лосевского мироздания» [3, с. 135]. Х. Гарбер выделяет в космологии Лосева такие идеи: «1. Время существует до и без движения. 2. Пространство конечно. 3. Мир имел начало и будет иметь конец. 4. Земля не движется. 5. Астрология, алхимия и магия имеют право на существование. 6. Весь космос есть лестница словесности. Естествознание – заблуждение, а вера – истина» [3, с. 144]. Понятно, что не все идеи любого философа или ученого могут поддерживаться коллегами, но третировать их за различие позиций – это одно из изобретений тех, кто хочет руководить наукой и контролировать любые взгляды.

В том, что Лосев различает в своем учении атом-мэон и атом-эйдос и, что первый делим и преходящ, второй вечен и неуничтожим, докладчик видит в этом дуализм мистического толка [3, с. 134; 4, с. 147]. Он ругает Лосева за то, что «миф для него не вымысел и не фантазия, а наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности... <...> Мифология есть наука о бытии, именно она улавливает все “смысловые давности” его». Для него «мифология – основа и опора всякого знания» [3, с. 135].

Учение Лосева о мифе, «то совершенно ясно – оно имеет одно назначение противопоставить научному мировоззрению миросозерцание мракобесия [3, с. 136]. То есть осуждаются взгляды А. Лосева, которые по сию пору входят в сокровищницу русской и советской философии.

Х. Гарбер ставит в вину А. Лосеву «холодное» отношение к Эйнштейну, Дарвину, что философ с презрением относится к Ньютону. Исходя из этого, докладчик выводит тезис о враждебном отношении Лосева к науке вообще, которое якобы обуславливается христианским характером его философии, что «Лосев выбирает религию и отвергает науку» [3, с. 136]. Обобщающий итог рассуждений докладчика таков: «Лосев противник рационализма и логизма, он – законченный мистик. Отсюда его симпатии к Плотину и Проклу...» и «...высказывает свои мысли устами Платона...» [3, с. 137, 138].

Х. Гарбер в своей речи обобщил свои «обвинительные» претензии к взглядам А. Лосева. Им было сказано, что методологии опального философа свойственны: 1. *Мистицизм* (символ, число). 2. *Формализм* (зрак, фигура). 3. *Метафизика* (логос=формальной логике). 4. *Дуализм* (эйдоса и мэона). 5. *Механизм* (в синтезировании тезы и антитезы). 6. *Эклектизм* (в соединении трансцендентализма с феноменологизмом). 7. *Антиисторизм* (отрицание становления и развития). Итоговая констатация критики взглядов Лосева следующая: «Совершенно очевидно, что такая методология не имеет ничего с диалектикой» [3, с. 144].

Далее в речи дается стигматизированная характеристика философа, чьи взгляды не разделяются другой группой «коммунистических» философов, стоящей на страже большевистской идеологии. Взгляды А. Лосева докладчик характеризует как враждебные развитию, материализму, социализму, что они родственны религии. Что Лосев, будучи «невежественным в общественных науках, находит возможным сопоставлять средние века с пролетарской диктатурой...»; «Капитализм и коммунизм для него равнозначны и

имеют одну и ту же сатанинскую природу... он ратует за средневековье» [3, с. 140]; «О марксизме он в прямой форме говорит редко, а косвенно нападает при каждом удобном случае» [3, с. 142].

На что еще обиделся докладчик? Например, на то, что Н. Чернышевский назван философом «пустоватым», тогда как К. Маркс назвал того великим русским ученым, что «Марксизм он считает плодом классического иудаизма» [3, с. 143]. Тогда в 1920-30-е гг. были распространены идеи «об иудейской природе марксизма». Х. Гарбер закончил свой доклад следующими словами: «Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полиции» [3, с. 144]. Правда, в каком месте своих сочинений Лосев защищает крепостничество и полицию, докладчик не приводит.

Но все же основным выводом после такого «аналитического» разбора взглядов А. Лосева является такой: «Придерживаясь чрезвычайно реакционного мировоззрения, Лосев бессилён понять, тем более критиковать марксизм – самую передовую философию нашей эпохи»; «Лосев выражает умонастроение самых реакционных слоев буржуазного общества. Его мракобесие тем более велико, что его устами глаголят господствующие классы былой России, низвергнутые нашей революцией» [3, с. 143, 144]. Вот ради этого вывода и построена ткань этого доклада-доноса, на основе которого начинается разгром философской мысли в СССР. В данной речи можно услышать якобы дискуссии, но здесь нет идеологические нападки. Кроме того, создается мнение, что докладчик не понимает философские взгляды Лосева и накладывает на его идеи свою кальку идеологических взглядов: идеализм безнравственен, материализм добродетелен.

Правителям авторитарных и тем более диктаторских режимов, да и многим людям всегда проще, когда другие мыслят так же, как и они. Так многими кругами населения понимается един-

ство. Итог: через несколько лет появится Краткий курс истории ВКП(б) как «зияющая» вершина большевистской мысли и как символ веры массы населения.

Вместо эпилога. Как же сложились судьбы А.Ф. Лосева и Х. И. Гарбера?

Вскоре после этого заседания, 18 апреля 1930 г. А. Лосева арестовали и назначили срок 10 лет лагерей. Ученый отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В 1933 г. строительство Беломорканала завершилось, и Лосевых освободили. Они вернулись в Москву. Но А. Лосеву запретили преподавать философию в Москве, и, чтобы найти средства к существованию, с 1938 по 1941 г. ученый ездил на заработки в пединституты Куйбышева, Чебоксар, Полтавы, где читал лекции по истории античной литературы. В 1942 г. Лосева опять пригласили преподавать в Московский университет, однако уже через два года его опять уволили. В 1944 г. он получил новое место: стал профессором Московского государственного педагогического института, где работал до конца своей жизни. Возможность печататься Лосев получил после смерти Сталина. В 1954 г. скончалась его жена Валентина. Вскоре после этого Лосев женился на своей аспирантке и близкой подруге семьи Азе Тахо-Годи, которая подготовила к печати большинство работ Лосева. Всего при жизни Лосева

их вышло около 500. Алексей Федорович Лосев умер в 1988 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище [10].

«Оппонент» А. Лосева Хаим Гарбер, член партии большевиков, посвятивший себя марксистско-ленинской философии, в 1934 г. стал профессором Ленинградского индустриального института (Политехнический институт) и организовал в нем кафедру истории техники. Кроме того, он стал зампредом Сектора истории техники Института истории науки и техники АН СССР. Последняя должность и стала роковой: директором ИИНИТа тогда был Николай Бухарин, а Х. Гарбер его заместителем. Гарбер был арестован 30 апреля 1936 г. И его обвинили в том, что он якобы «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, существовавшей в Академии наук СССР в Ленинграде» и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Соловках. В октябре 1937 г. без пересмотра дела Хаим Гарбер был заочно приговорен тройкой Ленинградского УНКВД к расстрелу и расстрелян 4 ноября 1937 г. Похоронен в карельском урочище Сандормох (Медвежья Гора). Реабилитирован 14 июля 1957 года [11].

Таковы драматические и даже трагические судьбы двух современников, которые пока так ничему и не научили наше общество.

Список литературы

1. Силуэты: политические портреты: А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Москва: Политиздат, 1991. 462 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922-1991. Москва: РОССПЭН, 2000. 591 с.
3. Гарбер Х.И. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник коммунистической академии. 1930. № 37-38. С. 124-144.
4. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / сост. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханьков. Москва: Мысль, 1993. С. 61-612.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / сост. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханьков. Москва: Мысль, 1993. 962 с.
6. Ленинский сборник XII / под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930. 480 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 29-204.

8. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. 2-е изд. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 343-628.
9. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит., 1968. С. 7-384.
10. Малинаускене Н.К. А.Ф. Лосев: личность и наследие [Материалы к беседе со студентами Сретенской духовной семинарии] // Сретенский сборник: науч. труды преподавателей СДС. 2010. № 2. С. 626-657.
11. Bertelsen O. Spatial dimensions of Soviet repressions in the 1930s: the House of Writers [Kharkiv,Ukraine]: PhD thesis / University of Nottingham. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/13390/1/SPATIAL_DIMENSIONS_OF_SOVIET_REPRESSIONS_IN_THE_1930s.pdf (дата обращения: 22.06.2021).

Сведения об авторе:

Кузнецов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного университета

ул. Братьев Кашириных, 167, Челябинск, 454001
vladkuz@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.05.2021

Одобрено: 27.05.2021

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования:

Кузнецов В.А. Идеализм как «состав преступления» (или о «реставрации» А.Ф. Лосевым мира вечных идей) // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 29-37. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

УДК 130.2+141.13

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_4_29

V.A. Kuznetsov

Chelyabinsk
Chelyabinsk State University
vladkuz@mail.ru

IDEALISM AS «CRIMINAL CONTENT» (CONCERNING A.F. LOSEV'S «RESTORATION» OF THE WORLD OF ETERNAL IDEAS)

In our country, the attitude of the power structures to science as an institution of culture remains very important. The degree of state interference in the internal affairs of the academic community is growing, and the petty tutelage of scientific institutions and control over their intellectual activity are increasing. Study of the Soviet state under Stalin shows what damage such interference in scientific institutions, especially those of a humanitarian

profile, can cause. This article describes the start of repressions against one of the most significant philosophers and philologists of the USSR, Alexei Fedorovich Losev. In this case the target of persecution was the humanities, which, in the opinion of the ruling elite, opposed the ideology of emerging Stalinism. Scientists were accused of adherence to idealism, and, consequently, to bourgeois values. By the end of the 1940's-early 1950's, the internal logic of

repressive mechanisms in the Soviet Union led to the destruction of genetics, then cybernetics and sociology. This caused the country's lag in these branches of science that has still not been fully overcome.

Keywords: A.F. Losev, H.I. Garber, Communist Academy, idealism, platonism, repression.

References

1. *Silueti: politicheskie portrety: A. Lunacharskii, K. Radek, L. Trotskii*. [Silhouettes: Political Portraits: A. Lunacharsky, K. Radek, L. Trotsky] (1991). Moscow: Politizdat, 1991. (In Russian).
2. *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b) – VKP(b) – KPSS, 1922-1991* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RKP(b) – VKP(b) – CPSU, 1922-1991] (2000). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
3. Garber, Kh.I. (1930) Protiv voinstvuiushchego mistitsizma A.F. Loseva [Against the Militant Mysticism of A.F. Losev]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii* [Bulletin of Communist Academy], 37–38, 124–144. (In Russian).
4. Losev, A.F. (1993) Antichnyi kosmos i sovremennaia nauka [The Ancient Cosmos and Modern Science]. Losev, A.F. *Bytie. Imia. Kosmos* [Genesis. Name. Space]. Moscow: Mysl', 61–612. (In Russian).
5. Losev, A.F. (1993) *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
6. *Leninskii sbornik XII / pod red. V.V. Adoratskogo, V.M. Molotova, M.A. Savel'eva* [Lenin Collection XII] (1930). Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian).
7. Losev, A.F. (1999) *Filosofii imeni* [The Philosophy of the Name]. Losev A.F. *Samoe samo: Sochineniia* [The Self: Works]. Moscow: EKSMO-Press, 29–204. (In Russian).
8. Engel's, F. (1961) *Dialektika prirody* [The Dialectics of Nature]. Marks, K., Engel's, F. *Sochineniia*. [Works]. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Political Literature, 343–628. (In Russian).
9. Lenin, V.I. (1968) *Materializm i empiriokriticizm* [Materialism and Empiriocriticism]. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 18. Moscow: Political Literature, 7–384. (In Russian).
10. Malinauskene, N.K. (2010) A.F. Losev: lichnost' i nasledie [Materialy k besede so studentami Sretenskoii dukhovnoi seminarii] [A.F.Losev: personality and legacy [Materials to a conversation with students of Sretensky Theological Seminary]]. *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Collection. Scientific works of Sretenskyi Seminary professors], 2, 626–657. (In Russian).
11. Bertelsen, O. (2013) *Spatial dimensions of Soviet repressions in the 1930s: the House of Writers (Kharkiv, Ukraine)*. PhD thesis. University of Nottingham. URL: http://eprints.nottingham.ac.uk/13390/1/SPATIAL_DIMENSIONS_OF_SOVIET_REPRESSIONS_IN_THE_1930s.pdf [Accessed: 22.06.2021].

About the author:

Vladimir A. Kuznetsov, Doctor of History, Professor, Philosophy Department, Cheliabinsk State University

167 Brothers Kashirinykh Str., Cheliabinsk, 454001
vladkuz@mail.ru